

ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ В ТЕКСТЕ РОМАНА А.С.
ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
СРЕДСТВА ЛЮБОВНОГО ЛЕКСИКОНА

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7336892>

Р.Р. Атаева

к.ф.н. (PhD), старший преподаватель

Университета общественной безопасности Республики Узбекистан

Аннотация. В данной статье анализируются типы языковых единиц, образующих любовный лексикон в тексте романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Данные средства были широко распространены в литературном обиходе первой четверти XIX века.

Ключевые слова: этикет, языковые средства, лексикон, перифраз, оборот, формула, конситуация, микрофрагмент.

Annotation. This article analyzes the types of language units that form the love lexicon in the text of the novel "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin. These means were widespread in literary use in the first quarter of the 19th century.

Key words: etiquette, linguistic means, lexicon, paraphrase, turnover, formula, consituation, microfragment.

Весь комплекс языковых средств, связанных с традиционными лексико-семантическими средствами, составляющими любовный лексикон пушкинской эпохи может быть разделён на несколько групп в зависимости от степени традиционности и характера его представления в тексте. Определённую роль при подобном членении играет также сам объект обозначения. С этой точки зрения наиболее значимыми являются: обозначения самого любовного чувства, форм и средств его выявления стереотипов любовного поведения, самого персонажа, переживающего любовные чувства, и его внешнего облика¹.

Что же касается характера представления единиц в структуре текста, то пушкинский текст обладает настолько ярко выраженными контекстуальными свойствами, что провести четкую границу между традиционным средством, модифицированной традиционной единицей и собственно индивидуально- авторским выражением оказывается не всегда возможным, тем более, что даже в случае, когда единица дословно воспроизводит облик традиционного средства, она характеризуется определёнными приемами контекстуального освоения. Именно поэтому выделение собственно лексикона, то есть набора отдельных слов и словосочетаний, представляющих этикетно-признанные средства, осуществляется с определённой мерой условности, поскольку даже высоко традиционные обозначения, поставленные в теснейшую связь с конситуацией, темой и контекстом, превращает даже хорошо вычленимую отдельную лексему только в звено, с которого начинается разрастание единиц по горизонтали: превращения отдельного слова в двучленное словосочетание, словосочетание в многочленный описательный оборот, затем соединение описательных оборотов в микрофрагмент, который в рамках романа может быть рассмотрен тоже как фрагмент любовного лексикона.

Указанные процессы берут своё начало в группе единиц, являющихся первичными номинациями любовного чувства. Это, прежде всего глагол любить и его

¹ Атаева Р.Р. Роль эпистолярного жанра в функционировании любовного этикета и формировании любовного лексикона рубежа XVIII-XIX вв. // Социально-гуманитарные науки в системе образования 1 (1), 6-13

словообразовательные модификаты (разлюбить, полюбить), представленные системой личных форм и обладающие относительной контекстной автономностью, то есть не входящие в состав описательных и перифрастических оборотов.

Ср.: И сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас!²

В эту же группу можно включить деепричастия и причастия *любя-нелюбя; влюблён-любим, а также глагол ревновать* как один из семантических противочленов глагола любить.

Второе, субстантивное, название эмоции – *любовь* - чаще встречается в составе перифрастических оборотов, хотя возможно и его относительно независимое употребление. В этом отношении весьма показательно следующее употребление: *он пел любовь, любви послушный*. В данном двустишии: *пел любовь* (воспевал любовное чувство как поэт) – это типичный стандартный описательный оборот, а *любви послушный* – контекстуальная единица, в рамках которой оба компонента сохраняют относительную свободу. Видимо, в данную же группу следует отнести наиболее прямую формулу любовного признания: *я вас люблю*.

Специфика этой формулы заключается в том, что она, опираясь на личную форму глагола, прямо называющего чувство, представляет собой констатацию наличия этого чувства и одновременно является этикетной формулой обязательной для определенного стереотипа любовного поведения.

Другими словами, данная единица принадлежит сразу двум группам языковых средств, связанных с любовным лексиконом:

I. группе единиц, непосредственно называющих любовные чувства;

II. группе средств, обозначающих стереотипы любовного поведения.

Пограничной является также единица *страсть*, обозначающая именно любовную страсть. Данная единица, семантика которой образована способом сужения значения (родовое наименование в роли видового), была чрезвычайно широко использована романтиками для обозначения любовного переживания: поскольку соединяла в себе этикетность непрямого, косвенного обозначения чувства и одновременно указывала на интенсивность проявления чувства. Анализируемая единица может встречаться и как относительно автономная единица, но чаще включающаяся в состав перифрастических оборотов типа: *наука страсти нежной*. Перифраз открывает возможность дальнейших характеристик любовного чувства или способа его проявления. Другая группа, обозначающая проявления любви и состояния, связанные с любовью образована перифрастическими средствами, представлена в романе довольно широко и могут быть условно поделены на описательные обороты и собственно перифразы³.

К описательным относим обороты, включающие само слово *любовь* или производные от него и обозначающий какие - то стороны проявления любовного чувства. Чаще всего это достаточно стандартизированные средства, широко встречающиеся в поэтической и прозаической речи первой четверти XIX века. Это выражения типа: *любви порывы; любовные помышления; любви излиянья, тоска любви, наука любовная*. Другой тип единиц собственно перифрастический, обычно называют косвенно и образно. Ср.: *наука страсти нежной; обольстительные сети, грусть нежная, тайна сердца, сердечные тайны*.

Такого рода единицы являются традиционными для любовного литературного этикета, то есть используются при описании в литературе любовных переживаний. Как известно, важнейшим свойством перифраза, не включающего прямого наименования описываемого объекта, является семантическая неопределённость. Определённость содержания ему

² <https://ilibrary.ru/text/436/index.html#toc>

³ Эгамбердиева Г. М. Вопрос о своеобразии в образах //Филология и лингвистика. – 2018. – №. 2. – С. 1-4.

придают либо употребление в рамках определенной традиции, либо в определённой конституации, либо в пределах определенной темы, либо при сочетании названных условий. Это справедливо и для всех уже рассмотренных единиц, и равно как и для таких обозначений атрибутов любви, как *страстное посланье, сердечное посланье, сердечное письмо и т.п.*

Перифразы глагольного типа – *умел тревожить сердца, подслушать сердца первый звук*, хотя и относятся к этому же классу единиц, но они неоднозначны и пограничны с точки зрения своей позиции в данной группе, так как обозначают и само любовное чувство, и стереотипы поведения, связанного с любовным чувством.

Контекстное развёртывание клишированной единицы подчёркивает роль, потенциальную неоднородность этих единиц⁴. Ср.: *тревожить сердца* (заронить в сердце элемент любовного интереса) – *умел тревожить сердца* (добивался того, чтобы заронить любовное чувство, вёл себя так, чтобы вызвать любовное томление).

Перифрастические обозначения, будучи достаточно специфичными по своим моделям, в соответствии с литературными традициями конца XVIII начала XIX века, легко запускали сам механизм, использования перифраза в художественном тексте, то есть воспроизведение стандартного перифраза порождало способ описания, подобный перифрастическому. Для такого рода единиц практически невозможно точно определить, являются они собственно стандартом, или по образцу перифрастического стандарта создан авторский перифраз. Таково, например, обозначение Онегина как *(Фобласа давний ученик)*. Прецедентные имена *(Фоблас, Дон Жуан, Грандинсон)* чрезвычайно широко распространенные в литературном обиходе первой четверти XIX века, породили целую серию косвенных однословных и перифрастических обозначений, отражающих типы возлюбленных, представленных в литературе этого времени и взятые на вооружение любовным этикетом рубежа XVIII - XIX века. К ним относятся образы: рокового возлюбленного-соблазнителя; идеального верного возлюбленного; возлюбленного-искателя новизны и т.п. Единицы типа *(Фобласа давний ученик)* именно в силу того, что имеют черты и традиционного, и ситуативного авторского обозначения, являются пограничными между проанализированной группой стандартных перифраз и очень большой группой текстовых единиц, как лексем, так и различного рода словосочетаний, которые, не будучи элементами любовного лексикона, вовлекаются в сферу описания любовного чувства в романе.

Говоря о том, что указанные средства вовлекаются в описание любовной темы, мы имеем в виду следующее: каждое из этих средств, особенно отдельные лексемы, в своей собственно языковой семантической структуре компонентов, связанных с любовной семантикой, не имеют. Однако и традиция переживания любовного чувства в действительности, и традиционные описания любовного чувства в литературе выделили ряд чувств и состояний, которые переживаются параллельно с любовным, и рассматриваются как его признаки. Имена этих чувств и состояний составляют своего рода комплекс, сопряжённый с именем самой любви. Набор таких имен может быть различен по составу, но при этом он тоже этикетно санкционирован и стандартен.

В пушкинском тексте такого рода знаковыми именами являются лексемы *досада, жалость, нежность, смятение*.

Как уже отмечалось, ни одно из этих существительных не включающих в свою семантическую структуру компонентов собственно любовной семантики, но в рамках, любовной темы они традиционны.

⁴ Egamberdieva G. M. The study of the epic “The Book of my grandfather Korkut” by Russian scientists-Orientalists //Text: direct//Philology and Linguistics. – 2019. – Т. 1. – №. 10.

Аналогичны по функции именам подобного рода и глаголы: *разуверять, изнывать, молить, и другие.*

Весьма частым явлением становятся глагольно-именные сочетания, в которых соединяется соответствующий глагол и имя данного типа. Например, в сочетаниях: *таить надежду, требовать признанья и т.д.* Эти глагольно - именные описательные обороты являются либо кальками, либо аналогами глагольно-именных французских экспрессивов, обозначающих эмоции. Например: *se berse d’esperances* - ласкать надеждой

Accabler de mepris - казнить презреньем.

На базе таких глагольно-именных сочетаний в романе формируются более крупные перифрастические единицы типа: *пугать отчаяньем, шутя невинность изумлять, ловить минуту умиления.* Все они опираются на перифрастические образцы, но при этом предстают в качестве найденных самим автором описательных выражений, которые уже впрямую, а не образно, описывают формы любовного поведения и черты внешнего облика персонажа.

Данная группа текстовых единиц включает в себя самые разные способы реализации смыслов, связанных с любовной тематикой. Сама традиционность этих единиц разнообразна: прежде всего, это традиционность самих форм поведения, отраженных в литературном любовном этикете. Например, любовное переживание было принято сопровождать слезами. Слёзы выражали разные оттенки любовного чувства: *умиление, томность, ревность, разочарование.* Поэтому описания любовного поведения очень часто строятся на оборотах, связанных с именем (*слёзы*).

Ср.: *и слёз был полон томный взор/Взор его... порой... блистал послушною слезой.*

Английский байронический стереотип любовного поведения предписывал участнику любовных отношений, особенно мужчине, проявления таких свойств, как *гордость, равнодушие*, а французский стереотип, наоборот, сочетание *быстроты, самозабвения нежности, стремления постоянно вносить в любовные чувства что-то новое.*

Все эти элементы присутствуют в пушкинских описаниях любовного поведения Онегина, образуемых либо сериями описательных оборотов, либо комплексами обозначений качеств, либо соединением того и другого. Подобное соединение особенно успешно происходит, когда имена качеств, сопутствующих любовному поведению, выступают именной частью сказуемого. Например, *как взор его был быстр нежен; Являться гордым и послушным, внимательным иль равнодушным.*

Любовный этикет признавал вполне допустимым проявление таких чувств как отчаянье, использование таких способов поведения, как месть, подчёркивал возможность и необходимость проявления самоотверженности. Все эти формы любовного поведения и проявления любовного чувства в тексте романа получают широкое воплощение, в описательных оборотах.

Формы условного поведения и проявления любовного чувства, утверждённые этикетом, находят отражение и в таких явлениях, как *томный вид, трепетный порыв, девичьи обмороки.* Специфика этого типа единиц заключается в том, что их языковая стандартность опять-таки диктуется стандартностью форм поведения, хотя клишированность самих средств выражения может быть разной. Такие номинативные формулы типа, *дева томная, трепетный порыв*, компаративные конструкции, описывающие черты облика возлюбленной, традиционны и по составу. Ср.: *бледней луны; трепетней лани.* Как и типовые формулы, развивающие систему смыслов, связанных с любовным горением (сравним: ланиты, мгновенным пламенем покрыты), выражение же типа *душа в ней ныла*, описывающие состояние Татьяны, или целая серия выражений, представляющих поведение Онегина, когда он пытается обратить на себя внимания Татьяны (*если ей накинет боа пушистый на плечо, Или коснется горячо её руки, или раздвинет, Пред нею пестрый полк ливрей, или платок*

подымет ей), опираясь на типовые и стандартно- речевые действия, отражают абсолютно индивидуальные формы поведения и состояния в виде индивидуальных, контекстуально-заданных и констатирующе обусловленных языковых средств.

Таким образом различаются 4 группы лексико-семантических средств, относящихся любовному лексикону:

I. прямые (глагольные и именные) лексемы наименования любовного чувства + формула *я вас люблю* + глагол *ревновать*;

II. описательные обороты, обозначающие любовные чувства либо в опоре на лексему любить/любовь, либо обозначающие его посредством образного перифраза;

III. собственно текстовые обороты, обозначающие чувство любви, характер проявления любовного чувства без опоры на лексемы-прямые наименования, но не только тесно связанные с любовной темой, но и экспрессивно, одновременно являющиеся реальным описанием реальных событий и явлений (душа в ней ныла);

IV. лексемы и выражения, частично традиционные, частично созданные автором по образцу традиционных, обозначающих своеобразие любовного поведения и внешнего облика влюблённых, в соответствии с принятым любовным этикетом, но при этом имеющие в тексте развёрнутую мотивацию (ты чуть вошёл, я в миг узнала).

Границы между этими четырьмя группами принципиально размыты, во-первых, наличием пограничных единиц; во-вторых, тем, что элементы традиционного лексикона служат для авторских обозначений образцами в самом широком смысле слова и, наконец, в-третьих, по тому, что и в плане семантики, и с точки зрения структуры как бы перерастают в более крупные конструкции, порождая особую единицу любовного лексикона, зафиксированную в романе - текстовой микрофрагмент, реализующий любовную тему.

ЛИТЕРАТУРА (REFERENCES)

1. Атаева Р.Р. Роль эпистолярного жанра в функционировании любовного этикета и формировании любовного лексикона рубежа XVIII-XIX вв. // Социально-гуманитарные науки в системе образования 1 (1), 6-13
2. Egamberdieva G. M. The study of the epic “The Book of my grandfather Korkut” by Russian scientists-Orientalists //Text: direct//Philology and Linguistics. – 2019. – Т. 1. – №. 10.
3. Эгамбердиева Г. М. Вопрос о своеобразии в образах //Филология и лингвистика. – 2018. – №. 2. – С. 1-4.
4. <https://ilibrary.ru/text/436/index.html#toc>